

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

“СВЯЩЕННОСТЬ” ЭТНОСА ИЛИ РЕЛЯТИВИЗМ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ?

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ В.А. ТИШКОВА “ОЧЕРКИ ТЕОРИИ И
ПОЛИТИКИ ЭТНИЧНОСТИ В РОССИИ”. М.: РУССКИЙ МИР, 1997.**

Книга представляет собой сборник статей, опубликованных В.А. Тишковым в течение последнего десятилетия. Политическая ситуация в той области, которая обычно называется “национальным вопросом в России”, на протяжении этих лет менялась. Но можно предположить, что в книгу вошли публикации, с основным содержанием которых автор согласен и поныне.

Статьи сгруппированы в три раздела. Первая часть названа “Этничность, национализм и государственность”, вторая – “Антропология власти”, третья – “Антропология насилия и конфликта”. Предложенная структура позволяет выделить три основных направления исследовательских интересов ведущего российского специалиста в области этнологии и антропологии. Во-первых, это вопросы теоретического характера: что есть нация, и что такое этнос, какова роль политики в становлении этничности и национального самосознания. Во-вторых, вопросы практической политики, связанные с трансформационными процессами в России. В-третьих, этнические конфликты в России в том виде, в каком они развертывались в конце 1980-х–1990-е годы. Почти две пятых объема книги посвящено осетино-ингушскому конфликту и чеченскому кризису.

Работы В.А. Тишкова, хотя и проходят “по ведомству” этнологии и антропологии (заменившему в рамках РАН “ведомство” этнографии) представляют огромный интерес для социолога. Автор безусловно прав, отмечая во введении к книге то обстоятельство, что этнический фактор в России вышел на первый план общественной жизни (с. 3. Здесь и далее цитируется обозначенная в заглавии статьи книга В.А. Тишкова. – А.З.). Это значит, что социальная трансформация, переживаемая российским обществом в целом, равно как и составляющие этого сложнейшего процесса, не

Здравомыслов Андрей Григорьевич – доктор философских наук, профессор, директор Центра социологического анализа межнациональных конфликтов при Российском независимом институте социальных и национальных проблем. **Адрес:** 129256 Москва, ул. Вильгельма Пика, 4; **телефон:** (095) 181-22-11; **факс:** (095) 187-89-22; **электронная почта:** snpi@garnet.ru

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 98-06-80145).

могут быть поняты вне контекста национально-этнических отношений и конфликтов. Речь идет о важнейших социальных процессах, изучение которых остается первостепенной задачей социологии и соприкасающихся с нею гуманитарных, обществоведческих дисциплин.

Социологичность рассматриваемой публикации заключается не только в вовлечении в контекст изложения достаточно основательного эмпирического материала, но и в постоянной увязке теоретического дискурса с анализом меняющейся политической ситуации. А поскольку автор книги был одним из тех, кто не только теоретически разрабатывал новую концепцию национальной политики, но и участвовал в её осуществлении, постольку многие факты, приведенные в книге, могут рассматриваться как свидетельства очевидца. В.А. Тишков не стремится обходить острые вопросы. В отличие от других авторов, он рассказывает о реально действующих теоретиках и политиках: его внимание обращено на то, кем именно и как эта политика претворяется в жизнь. Возможно, эта сторона исследований автора представляет не меньшую ценность, чем предлагаемая им этническая интерпретация национальной проблематики.

Ещё одна особенность книги состоит в её публицистичности – автор постоянно полемизирует с этнонационализмом в его самых разнообразных формах (псевдогосударственной идеологии республиканских лидеров в самой России, совокупности бытовых предрассудков, мобилизационной практике этнического предпринимательства). Главная проблема для него – осмысление России как становящегося политико-этнического общества. В теоретическом плане это связано с переходом от понятия “этнонация” к понятию “гражданская нация”. С нашей точки зрения, этот переход предполагает не столько отмену каких-либо устоявшихся понятий, сколько их основательную критику, перспективы которой мы увязываем с релятивистской теорией нации. Элементы этой теории, безусловно, содержатся в теоретических разработках современных конструктивистов. Э. Геллнер сформулировал тезис “Не нация порождает национализм, а национализм делает нацию”. Исследования, осуществленные на основе этого методологического принципа, подорвали монополию абсолютистских концепций нации, включая их биологическую, генетическую, архетипическую и иные природные интерпретации. Тезис Геллнера означает обоснование социального подхода в теории нации. Нация – не извечная данность, а определенная социальная конструкция, “совокупность общественных отношений”. В.А. Тишков излагает в своей работе взгляды другого представителя того же направления Ф. Барта, предложившего интерактивный подход к изучению этничности. Даже терминологически это весьма близко к релятивистской теории нации¹.

Сам В.А. Тишков в размышлениях, которые он назвал “послебартовыми”, замечает, что 1) “существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собою социальные конструкции...”; 2) “границы общностей... являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в ситуативном планах, что делает существование этнической общности *реальностью отношений* (курсив мой. – А.З.), а не реальностью набора объективных признаков” (с. 62).

Отсюда вытекает и предлагаемое В.А. Тишковым определение этнической группы как “общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях” (там же). Именно в этой связи В.А. Тишков обращает внимание на релятивистскую природу социально конструируемой общности – будь то народ, этнос или нация.

¹ На с. 64 В.А. Тишков упоминает о релятивистской природе этнической общности. Этот вопрос рассматривается в заключительной части нашей книги [1, С. 238-250] и сборнике [2].

В первой части своей работы В.А. Тишков предлагает новую парадигму рассмотрения национально-этнических проблем. Исходный пункт её состоит в том, чтобы отказаться от весьма смутных и неопределенных терминов – “нация”, “национальные отношения”, “национальные интересы”, “национальная политика” и т.д. Действительно, понятие нации – многозначно, и это накладывает отпечаток на все прочие производные термины. Но не является ли многозначность свойством любых категорий, используемых в лексиконе гуманитарного знания? Думается, дело не в термине, а в контекстах его интерпретаций, в установлении промежуточных звеньев между теоретическим дискурсом и политическим действием. Смена одного термина на иной – в данном случае “нации” на “этнос” (кстати говоря, не менее сложный для теоретической дефиниции) – вряд ли может способствовать прояснению этой связи. Тем более, что сам В.А. Тишков придерживается точки зрения, что не только нация, но и этничность в значительной мере есть результат государственной политики (с. 73). Если принять такую интерпретацию “этноса”, то смысл разграничения основополагающих категорий этно-национальной политики утрачивается.

На наш взгляд, было бы более основательным настаивать на многообразии как национальных, так и этнических общностей, ориентируя тем самым национальные движения и государственную политику на учет своеобразия соответствующих групп, на необходимость социологического анализа каждой конкретной ситуации, связанной с этнонациональной динамикой. Как известно, определение нации, доминировавшее в советском обществоведении, было сформулировано в работе И.В. Сталина 1913 года “Марксизм и национальный вопрос”. Оно сориентировало не только советскую этнографию, но и весь комплекс гуманитарного знания на этноплеменное происхождение нации. “Согласно этой теории, – замечает В.А. Тишков, – нация определяется как высшая форма этнической общности, а национальная государственность мыслится только как этнонациональная государственность”; при этом государственная доктрина не допускает использования “понятий народа и нации как... многокультурных сообществ” (с. 82).

Именно в этом пункте можно усмотреть суть предлагаемой автором парадигмы – многокультурность и полиэтничность и должны стать основной характеристикой современной “нации”. Это означает, что понятие нации, вопреки устоявшимся предрассудкам, не должно увязываться с этническим началом: политика в целом и в особенности государственная политика есть источник национального бытия. В то же время В.А. Тишков утверждает, что главное в существовании нации – самосознание. Это означает, что нации существуют не в результате внешнего определения и научных классификаций, а как некоторые совокупные “Мы”, сознающие себя в отличие от “Них” – других сообществ. Вряд ли можно оспорить и тот факт, что национальное или этническое самосознание имеет ценностный характер. Для большинства людей принадлежность к своему национальному сообществу остается значимой, а в некоторых ситуациях – например, участие в Великой Отечественной войне – значение национальной принадлежности становится главным и решающим моментом в мотивации поведения.

Отличие социолога от этнолога в данном случае сказывается в том, что социолог не может игнорировать наличие предрассудков – они вплетаются в ткань социальных отношений. Известная теорема Томаса гласит: “Если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям”. Сложность в том, что термин “нация” сохраняется не только в качестве предмета теоретического дискурса, но и номинации повседневного сознания: по крайней мере по-русски можно задать вопрос “Какой вы национальности?”, но невозможно спросить: “Какова ваша этничность?” или “Каковы ваши этнические корни?”. (Приводя этот пример, мы, разумеется, отвлекаемся от этической стороны во-

проса, которая связана с конкретной ситуацией.) Задача теории, следовательно, не устранять понятие нации, а раскрыть его многообразные смыслы.

В.А. Тишков полагает, что неспособность провести разграничение этнического и национального в советской этнографии приводило к тому, что “за внешней ругательно-осуждающей дефиницией национализма на самом деле присутствовал безоговорочно господствующий этнонационализм как в науке, так и в политике”. Далее автор заявляет: “Отечественная академическая традиция способствовала утверждению приоритета этнической взаимоисключающей идентичности, а также политической программатике этнонационализма” (с. 82-83). Со столь категоричным суждением вряд ли можно согласиться прежде всего потому, что “программатика этнонационализма”, а тем более такие акции, как выселение народов в годы войны, решались волеизъявлением узкого круга государственных деятелей (скорее всего Сталиным и Берия при молчаливом согласии остальных членов высшего руководства) и вряд ли нуждались в каких-либо теоретических обоснованиях со стороны академической науки. Кроме того, политической реальностью советского времени – во всяком случае на уровне манифестации – была концепция интернационализма, значение которого как лозунга и формулы идеальной политики вряд ли можно отрицать полностью. Этот лозунг содействовал продвижению национальных кадров определенного типа в иерархии властных отношений. В то же время практическая политика в национальной сфере определялась не декларацией и даже не идеологией, а невысказанным согласием, взаимопониманием руководящей группы.

Определение нации, как и определение класса вообще, шло не по ведомству этнографии – это было прерогативой специалистов по “марксистско-ленинской теории национального вопроса”. В советской обществоведческой литературе долгое время вообще не употреблялось понятие “этнос”, и различение общностей производилось с помощью категорий “племя”, “народ”, “нация”. Каждое последующее понятие предполагало более высокую ступень развития предшествующей общности. Критический анализ европеоцентризма, идей прямолинейного восходящего прогресса заставили усомниться в возможностях использования этой триады как для классификации, так и для выявления специфики взаимоотношений между реально существующими общностями, в связи с чем Ю.В. Бромлеем и было введено в оборот понятие этноса. В те времена, то есть в 1970–1980-е годы, обращение к данному понятию рассматривалось как своего рода прорыв в разработке теоретических конструкций, связанных с описанием и объяснением этнонациональных реалий. Теперь же понятия этноса и нации употребляются как более или менее равноправные с точки зрения описания существующих в мире общностей. Подавляющее большинство из них не являются субъектами международного права и не входят в состав Организации Объединенных Наций. Однако и те общности, которые не обладают статусом государственных организаций и государственного представительства, называют себя по большей части нациями, их политические лидеры усматривают в отказе от этого термина определенное ущемление прав соответствующего народа. Не случайно Э. Смит, один из ведущих специалистов в этой области, помимо понятий “этнос” и “нация” вводит термин “потенциальная нация” (would be nations). Именно к этим потенциальным нациям и относится большинство нынешних народов, населяющих Землю [3].

Понятие “нация”, отмечает В.А. Тишков, не что иное, как “политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория”. И далее: “Состоит почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки. В этнокультурном смысле категориальность понятия нация утратила в современном мире всякое значение и стала фактически синонимом этнической группы” (с. 85).

Этот подход позволяет понять заглавие книги “Очерки теории и политики этничности в России”. Этничность с этой точки зрения представляет собой некоторую безусловную реальность, а “нация” – сконструированный лозунг, средство мобилизации политической поддержки. Об этой своей позиции В.А. Тишков заявил ещё в 1989 году. “Полагаю, – писал он тогда, – что многолетние дискуссии о содержании основополагающего термина “нация” не случайно оказались малопродуктивными. До сих пор наша общественно-научная мысль пытается найти новую дефиницию взамен известной формулировки. А, может быть, выход из теоретического тупика – в отказе от термина “нация” в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, то есть нация – это совокупность граждан одного государства? ООН объединяет не “этнонации” (такой термин сейчас пытаются ввести некоторые специалисты), а нации-государства. Для большинства населения мира такое понимание является нормой” (с. 10).

Заметим, что “большинство населения мира” весьма далеко от понимания достаточно тонкого различия между этносом и нацией. Это большинство рождается и проживает свою жизнь вне теоретического дискурса. Поэтому в установлении дефиниций теоретического характера весьма проблематично обращаться к мнению большинства. В политической лексике термин нация, действительно, чаще употребляется в смысле нации-государства, но это не исключает и иных вариантов данного словоупотребления. В целях мобилизации можно использовать и иные термины, в том числе и понятие “народ”, которое В.А. Тишков почему-то считает менее нагруженным политически.

В целом мысль о смене терминов исходит из предположения о том, что в гуманитарных областях можно построить научный дискурс на основе некоторой конвенции. Однако эта сторона вопроса предполагает более основательный анализ соотношения теоретического дискурса и языка повседневной политической речи. Социология, например, вряд ли когда-либо сможет установить барьер между этими двумя способами осмысления социальной реальности. Её теоретическая задача в значительной мере состоит в том, чтобы проблематизировать те термины, которые стали доминирующими в повседневной политической лексике [4].

Кроме того, застой в советском общественно-научном дискурсе вряд ли может быть объяснен тем, что одно из понятий интерпретировалось неверно. Суть вопроса вовсе не в правильности или ошибочности отдельно рассматриваемых определений, а в своеобразии связи доктринального нациеведения с действовавшим политическим режимом. Главная же доктринальная идея, строго охраняемая в публикациях, – обеспечение приоритета классового начала над национальным. Поэтому и нации рассматривались либо как буржуазные, либо как социалистические, часть из которых возникла “миная капиталистическую стадию развития”.

Проблема термина, таким образом, имеет определенную политическую подоплеку, с которой исследователи этнических проблем не могут не считаться. Конечно, проще было бы устранить тот или иной термин из научного оборота и оставить понятие нации, действительно не поддающееся строгой дефиниции, для употребления в политическом лексиконе и лексиконе этнического предпринимательства. Это стремление к упрощению ситуации связано, конечно, с идеей равенства гражданских прав. Не было бы наций (этносов), все были бы только гражданами идеального государственного образования. Но отношения между людьми в обществе связаны с тем, что значительная часть населения полагает себя в качестве членов некоторых общностей, которые называются нациями. И с этим приходится считаться, прежде всего, в силу того, что национальные сообщества или национально-этнические группы не являются одинаковыми. Принадлежность к той или иной нации в реальной жизни означает некоторое неравенство в исходных жизненных шансах и доступе к социаль-

ным ресурсам. Такова социальная реальность, которую необходимо принимать во внимание.

Вопрос о смысле понятия “нация”, “национальные интересы”, “национальная идея” возник не сегодня. Он вполне вписывается в определенную традицию социологического анализа так называемого национального вопроса. Так, П. Сорокин ещё в годы революционных событий 1917 года подверг критическому рассмотрению ряд общепринятых определений нации и национальности. Начинает он свой критический обзор с расовой или биологической точки зрения на этническое начало. “Достаточно сказать, – пишет Сорокин, – что теория чистых рас оказалась мифом; их нет, как нет, например, и специально немецкой или английской крови. В настоящее время чистота крови сохраняется только на конских заводах, выводящих “чистокровных” жеребцов, да в хлевах йоркширских свиней... В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен”. В примечании к этому рассуждению П. Сорокин обращает внимание на происхождение французской нации, “кровь” которой оказывается составленной из “крови аквитанцев, силууров, иберийцев, басков, васконов, светов, либийцев, сардонов, битуринов, вандалов, венецов, гельветов, поляков, вендов, кимвров, вестготов, алеманов, франков, евреев, сарацинов, этрусков, белгов, пеласгов, аваров и т.д.”. В этом списке перечисляются 24 этнические группы. От многих из них сохранились лишь исторические названия.

П. Сорокин возражает и против определения нации через язык, обращая внимание на неопределенность языка в сравнении с говорами и наречиями, равно как и на известные факты национальных различий при общности языка (англичане и американцы). Он выступает против определений нации и через национальные интересы, “через осознание своей принадлежности к определенному политическому телу”, высказывая вполне обоснованное сомнение в том, что нация есть некое сообщество, которое “действует в одном направлении и преследует одни цели”. Рассмотрев ряд определений нации, П. Сорокин приходит к следующему выводу: “Ни одна из теорий не знает, что такое национальность... Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела” [5]. И все же, несмотря на столь категорический вывод, политический дискурс вновь и вновь воспроизводит национальную проблематику и соответствующую ей лексику.

В современной России эта проблематика связана с задачами упрочения федерализма как принципа внутригосударственных отношений. Дело в том, что образование государств (суверенных республик) в государстве предполагает дополнительные преимущества нациеобразующей части населения в соответствующих республиках Российской Федерации. Более того, оно предполагает защиту этих прав и возможности проведения активной этнополитики, осуществляемой руководством республик и соответствующими группами региональной политической элиты РФ. Этнополитика в республиках задевает интересы так называемого некоренного населения (а это по преимуществу русское население), что становится стимулом для развития политической активности тех организаций, которые специализируются на защите прав русского и русскоязычного населения.

В основе этой коллизии – конфликт между этническим и гражданским статусами человека. Последовательное осуществление демократических принципов предполагает равенство прав всех граждан, независимо от их национальной принадлежности, титульности, укорененности и т. д. Возможно, устранение понятия нации содействовало бы более основательному утверждению гражданской идентичности. Но практика – даже опыт устранения графы о национальности в российских паспортах – является индикатором весьма упорного сопротивления со стороны не только

тех, кого В.А. Тишков называет, и не без оснований, этническими предпринимателями, но и той части населения, которая ориентирована в этом вопросе на нормы традиционной, а подчас и архаической, культуры.

По-видимому, предложение В.А. Тишкова об исключении термина “нация” из научного дискурса не будет принято научным сообществом, поскольку в настоящее время не действуют механизмы тоталитарного принуждения в использовании той или иной терминологии. Несмотря на это, в самой постановке вопроса о неопределенности понятия “нация” есть теоретический и практический смысл. В.А. Тишков отмечает: “...ученый-этнолог в силу обостренных идеологических симпатий, а часто прямой политической или этнической заангажированности, оказывается в гораздо большей мере связан с определенной групповой позицией или элитными проектами, чем это имело место в случае производства обычной для профессии симпатизирующей этнографии... Беспристрастная, научно-стерильная этнография – это почти миф, но далеко не каждому удастся найти меру оценок и осуществить миссию служения без ущерба обществу, в котором живем, и к пользе культуры или группы, которую изучаем” (с. 4). Далее мы вернемся к этому тезису, а сейчас попытаемся продолжить анализ этнической парадигмы, предлагаемой В.А. Тишковым, при рассмотрении национальных проблем.

Предпосылки этой парадигмы, несомненно, заключаются в феномене этнического (национального) возрождения народов России и других стран бывшего СССР. Именно процесс этнического возрождения заставляет исследователя фокусироваться на анализе позитивных и негативных его сторон. В этой связи обратим внимание на то, как автор анализирует изменение в концептуальной эволюции российской национальной политики. Он показывает, что 1991–1992 годы были этапом импровизаций и реактивной политики в сфере национальных отношений. По его мнению, в этот период произошла узурпация власти в пользу титульного меньшинства в ряде бывших автономий Российской Федерации. “Именно тогда, – пишет В. А. Тишков, – в апреле 1991 года, был принят Закон “О реабилитации репрессированных народов”, который исходил из благородных демократических порывов и насущных нужд незавершенной реабилитации, но который по своей идеологии был ущербным и конфликтогенным. Его субъектом были не граждане, непосредственно пострадавшие от репрессий, а коллективные тела под названием “репрессированные народы”, в отношении которых должна была быть восстановлена “историческая справедливость”. Закон сочиняли и лоббировали люди, мало сведущие в этнических и правовых материях, или же отчаянные активисты из числа репрессированных народов, использовавшие болезненную память и воспламеняющую риторику для собственного политического утверждения в Центре или для расширения своей власти на местах. Закон ставил нереализуемую цель “примирить прошлое” за счет новых несправедливостей и территориальных манипуляций, никак не учитывающих социальный статус современных граждан, который во многих случаях среди представителей репрессированных народов был не ниже, а в ряде аспектов (жилье, материальный доход, образование) – даже выше, чем в целом по стране или у других групп местного населения. Закон не учитывал изменившуюся за послевоенные десятилетия демографическую, экономическую и политическую ситуацию на местах, не говоря о реальных возможностях государства осуществить материальные компенсации” (с 145).

Столь жесткая оценка принятого закона может показаться неприемлемой прежде всего тем лидерам республик и политическим деятелям, которые возглавили соответствующие национальные движения, направленные на реабилитацию народов (именно “коллективных тел”), пострадавших от сталинских репрессий. Но эти лидеры должны были бы согласовать радикализм в защите своих позиций с тем количеством жертв, которые были принесены в ходе этнических конфликтов, порожденных борьбой за восстановление справедливости. Стремление к “восстановлению справед-

ливости” было исходным пунктом карабахского конфликта, не менее активно эта идея использовалась в абхазско-грузинском конфликте, отчетливо идеология этнического предпринимательства и радикального национализма провозглашалась и обеими сторонами осетино-ингушского конфликта, последствия которого до сих пор не могут считаться преодоленными. Наиболее разумные представители соответствующих этнических групп признают, что Закон о реабилитации репрессированных народов, особенно в связи с введением термина “территориальная реабилитация”, сыграл провозгласившую роль в этнических конфликтах. Этот Закон легитимизировал политику радикального национализма без учета интересов противоположной стороны конфликта и состояния ресурсов Российской Федерации.

Большое внимание В.А. Тишков уделяет рассмотрению тех документов, которые исходили от Министерства по делам национальностей. Речь идет о нескольких вариантах концепции национальной политики, предлагавшихся министерством начиная с весны 1992 года. Разумеется, такого рода документ не мог игнорировать проблемы развития федерализма в России, и предложения В.А. Тишкова, который с февраля по ноябрь 1992 года занимал пост председателя Государственного комитета РФ по национальной политике, были, по его мнению, направлены на укрепление этно-территориальных автономий. “Правда, – отмечает автор, – сам термин “автономия”... в документе не присутствовал чисто по политическим соображениям: в российских республиках поспешили от него избавиться как от уничтожительного, ибо в бывшем СССР существовал ещё более высокий статус союзных республик. В связи с этим попытки приписать тогдашнему Госкомнацу и мне лично позицию упразднения республик (губернизации РФ. – А.З.) являются беспочвенными. Они были вызваны скорее всего упрощенным восприятием, а также намеренной дезинформацией, которую стали распространять противники инициативы Госкомнаца” (с. 152). К сожалению, для автора именно упрощенные оценки в весьма сложных теоретических вопросах становятся доминирующими при принятии политических решений, и идея губернизации остается в массовом сознании связанной с его именем.

В.А. Тишков считает своей заслугой введение в обиход термина “национально-культурная автономия”, который в конце концов занял действительно важное место в вербализации национальной политики РФ. Во всяком случае, по мнению В.А. Тишкова, документ, подготовленный Госкомнацем в 1992 году, был учтен при разработке Конституции 1993 года, в которой прошла формула о республиках как государствах, а не формула “национальных государств” (с. 154). Вместе с тем, именно в этот период получила распространение тема защиты интересов русскоязычного населения в бывших республиках СССР и автономиях РФ.

В июне 1996 года была принята официальная программа национальной политики Российской Федерации. Одно из главных достоинств этого документа, по мнению В.А. Тишкова, состоит в том, что в нем “не употребляется термин “нация”, а употребляются и специально объясняются понятия “народы”, “национальности”, “этнокультурные” или “национальные общности” скорее как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом доктринальном языке” (с. 156). Следовательно, в политическом плане В.А. Тишков предпочитает понятие “народ”, имея в виду “общность людей, члены которой разделяют общие название и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общие происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности”. И далее: “Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Кстати, гражданское и этнокультурное значения понятия “народ” не противоречат друг другу, и принадлежность конкретного человека к обоим или нескольким типам общностей не является взаимоисключающей” (с. 157).

Значительное место в книге В.А. Тишкова уделено рассмотрению практических механизмов политического действия, которое осуществляется не абстрактной нацией, этносом, народом, обществом, а конкретными действующими группами –

субъектами социальных изменений. Так, «СССР распался, – полагает автор, – не столько в результате действия неких исторических законов и стремления народов к национальному самоопределению, а в результате глубокого раскола советской элиты, отдельные группы которой прежде всего и самоопределились (ввиду распада СССР. – А. З.)» (с. 173). И ныне задача институтов управления, подчеркивает автор, состоит в том, чтобы «вносить регулирующие начала в сложную диспозицию оформляемых людьми коалиций». В.А. Тишков так определяет эти регулирующие начала: «В многоэтнических обществах, когда в социальное соперничество вовлекаются культурные, религиозные и другие различия, стратегия управления должна строиться не на подавлении различий или на исключении и «разводе» конфликтующих коалиций, включая раздел государств, насильственное перемещение людей или изменение административных границ, а на взаимовыгодных формулах сотрудничества, справедливом разделе власти и ресурсов, культурной терпимости к иному. Это есть задача прежде всего для элитных элементов общества, ибо элиты, а не «массы» склонны и способны вызывать вражду..., вовлечь «массы» в насильственные действия с разрушительными для них последствиями» (с. 174).

Конкретный характер ответственности представителей политической элиты демонстрируется не только историей с распадом Союза, но и некоторыми деталями подписания Федеративного договора. Эта акция, свидетельствует автор, стоила «не только долгих аргументов и убеждений, но и определенного числа подаренных автомобилей, которое совпадает с числом подписей под текстом данного документа». А в 1996 году «согласие представителей периферийных элит в Госдуме на кандидатуру главы правительства обошлось центру в субсидии по 60 тыс. долларов на приобретение депутатами с периферии московских квартир» (с. 172-173). Такова цена «демократии согласия», имеющая тенденцию к повышению.

Весьма значителен вклад автора и в разработку проблем современного национализма на основе анализа российской действительности. Он признает правомерность существования в современной истории определенных форм государственного национализма. Они были заложены в вильсоновской доктрине права наций на самоопределение. С другой стороны, после окончания «холодной войны» этнический национализм стал формой реализации геополитических интересов стран-победителей. В академическом и политико-доктринальном планах это нашло выражение в пропаганде объяснительной модели «распадающейся империи», включая и распад СССР (с. 81). Автор – в соответствии с идеей гражданской нации – позитивно оценивает гражданский национализм или – применительно к России – российский патриотизм (с. 88). В то же время он полагает, что защита позиций этнонационализма как теоретиками, так и практиками является не только ошибочной, но и разрушительной для общества. Приведем эти позиции: а) убеждение в существовании коллективных архетипов в виде этносов, принадлежность к которым заложена в человеке изначально; б) убеждение в монолитности этнических групп, обладающих якобы общеразделяемым набором характеристик и ценностей; в) пропаганда солидарности действия этнических групп по защите их от внешней угрозы; г) убеждение в изначальном чувстве отчуждения членов этой группы от других, что проявляется во взрывных конфликтных формах; д) утверждение, что панацеей против разделительных тенденций по этническим признакам служит сильное централизованное государство, а не процесс разделения власти и постоянных договоренностей (с. 74).

Эти тезисы, разрушительные для общества, и составляют суть как периферийного, так и «центрального» национализма. «Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является, – как справедливо отмечает В.А. Тишков, – не столько национализм нерусских народов, сколько «национализм от имени «русской нации»..., превращающий её в некий «суперэтнос». Подобная лексика насаждается не только учеными, публицисти-

кой, но и политиками самого широкого спектра – от Р. Абдулатипова до Г. Зюганова” (с. 88).

Слабость аргументирования в принципе верной позиции, на наш взгляд обусловлена тем, что В.А. Тишков покидает здесь почву фактов. Невольно закрадывается сомнение: а не понадобилась ли вся теоретическая конструкция, связанная с переименованием наций в этносы, лишь для того, чтобы более фундаментально подойти к выводу прикладного свойства – не надо, мол, настаивать на существовании русской нации, которая якобы не оформилась ещё в качестве некоего единого целого. Вообще-то вполне возможен и такой поворот в системе аргументов. Но не является ли этот ход рассуждений уступкой той самой архетипической теории нации, с которой постоянно полемизирует сам автор? Ведь исходный постулат этой теории – деление этносов на молодые и дряхлеющие. Она относит, как известно, русский этнос к числу неразвитых, молодых.

С позиций релятивистской теории нации эти аргументы не получают поддержки. “Русские” в качестве самостоятельного субъекта исторического действия существуют в самосознании и сознании европейских народов, по меньшей мере, со времен Петра I (1609 год – битва под Полтавой), не говоря уже о временах Киевской Руси. Трудно описать европейскую историю XIX и XX веков без 1812 года и без разгрома гитлеровских полчищ в 1941–1945 годах². Это не исключает возможность обсуждать вопрос о существовании русской нации. Но это следовало бы делать одновременно с обсуждением вопроса о существовании немцев, французов, американцев, китайцев, японцев и т. д., то есть вопроса о существовании наций, составляющих базовую референтную группу по отношению к русской нации и русскому народу (в данном контексте эти термины полностью совпадают). *Именно взаимное признание нациями друг друга, осуществляющееся в процессе их культурного, политического и экономического взаимодействия (а не их автохтонное происхождение и этнический генезис сами по себе) является основой их реального бытия.* Таков основной постулат релятивистской теории нации.

Остановимся теперь на содержании второй и третьей частей книги. “Антропология” власти и “антропология” насилия. Почему именно антропология? Разве речь идет о вечном и общечеловеческом? Поскольку власть и насилие действительно сопровождают всю историю человечества, постольку можно говорить именно об антропологии этих феноменов. Но всё же в самом тексте автор анализирует не столько общечеловеческий аспект проблемы, сколько те турбулентные процессы, которые сопряжены с распадом Союза и которые сотрясают нынешнюю Россию. Поэтому, на наш взгляд, было бы более уместно говорить о политологии или социологии конфликта. Сам объект исследования остается безразличным по отношению к сложившемуся в научном сообществе разделению труда, ведь в обеих частях книги речь идет о наиболее драматических событиях недавней истории России.

Так, статья “Самоубийство Центра и конец Союза” имеет подзаголовок “Политическая антропология путча”. В ней содержится детальное описание августовских событий 1991 года. Автор показывает, пожалуй, впервые в нашей литературе, как именно сопротивление “Новоогаревскому процессу” переросло в выступление хунты. Анализ, представленный В.А. Тишковым, наводит на два соображения. Во-первых, политическое руководство СССР не просчитало силы сопротивления тем преобразованиям, которые оно само и инициировало. Не были учтены ни “классовая” (бюрократическая), ни национальная составляющие этого сопротивления. Во-вторых, при проведении реформ руководство Российской Федерации не смогло верно оценить последствия действий, направленных на развал Союза. Речь шла лишь о смене

² Этот вопрос более подробно рассмотрен в книге [5], в частности, главе IX “Историческая ипостась национальной идеи и практическая политика.

власти, о конкретных персонажах, а изменение всей системы явилось стихийным результатом автономного политического процесса, ход которого не предусматривался ни одним из главных действующих лиц. В этот период реактивной была не только национальная политика, но и политика в целом.

Судя по всему, В.А. Тишков не исключает того, что возможность более благоприятного развития событий на основе Новоогаревского договора была упущена. Это так. Но национальный компонент, на наш взгляд, играл в этом процессе более существенную роль. Он не сводился к интересам союза русского национально-патриотического движения с партийной бюрократией, как полагает автор (с. 243). За годы советской власти в республиках и регионах страны были подготовлены кадры, сформировались новые политические и культурные элиты, оказавшиеся способными мобилизовать национальные чувства у населения республик, подчас видя врагов своей нации не только в лице монстра центральной власти, но и соседей иной национальной группы. Действия этих элит в бывших республиках Союза и в самой России и стали движущей силой распада СССР. В 1991–1992 годах эти силы не захотели компромисса: каждая группа сочла себя равной другим и самодостаточной для распоряджения внутренними ресурсами. Поэтому даже обещания стать “полноправными членами международного сообщества”, устанавливающими дипломатические отношения, заключающими международные соглашения, содержащиеся в проекте Новоогаревского договора, не устраивали представителей новых элитных групп. К новым же формам отношений, связанным с пониманием политики и государственной деятельности как постоянного переговорного процесса, политические элиты республик в тот момент не были готовы. Советский Союз в качестве централизованной власти перестал существовать задолго до своего формального роспуска: ещё ранее в значительной мере проявилось своеволие местных властей, занимавшихся торгом с Центром [1, с. 40–48].

В третьей части книги от драматизма политических конфликтов автор переходит к трагедии конфликтов этнических. Именно в этой связи он вступает в полемику с тем, что сам же называет социологическим подходом к анализу этнических конфликтов, “при котором объяснение причин конфликтов основывается на анализе этнических параметров основных социальных группировок (классы, социально-профессиональные группы и т. д.)”. Автор, в частности, утверждает: “Как одно из открытий и основных объяснений конфликтов социологами трактуется достаточно тривиальный феномен корреляции социальной стратификации общества и разделения труда с этническими характеристиками населения” (с. 309). К сожалению, В.А. Тишков, в целом отличающийся скрупулезностью в цитировании не только письменных, но подчас и устных текстов, в данном случае не ссылается на источник. Автор, бесспорно, прав, когда утверждает: “Совпадение социальной стратификации с этнической структурой населения, а также этнические диспропорции по линии город-село при всей их конфликтогенности всё же не могут быть истолкованы как основная причина межэтнических конфликтов” (с. 310). По его мнению, социологический подход представляет интерес прежде всего при анализе феномена экономического посредничества, особенно торговли, которая, как правило, в полиэтнических обществах контролируется представителями какой-либо группы или выходцами из определенного региона.

На наш взгляд, охарактеризованный выше феномен посредничества, связанный с этнической специализацией, далеко не объясняет, почему этническая напряженность в определенный момент превращается в этноконфликт. Социология конфликта в качестве наиболее важного фактора, стимулирующего развитие этнического конфликта, рассматривает прежде всего изменения, происходящие во властных структурах. Речь идет об ослаблении общегосударственной власти и о крайнем обострении борьбы между группировками политической и идеологической элиты. Вме-

сте с тем, для понимания динамики межэтнического конфликта особое значение имеет социологическая концепция мобилизации населения, которую в той или иной мере разделяет и В.А. Тишков.

Конкретным материалом для разработки концепции этнического насилия в рассматриваемой книге служит анализ ошского конфликта в Киргизии (лето 1990 года), осетино-ингушского конфликта (1992 год) и чеченского кризиса. На материалах 10 судебных процессов по уголовным делам, состоявшихся в Верховном суде Республики Кыргызстан и Ошском городском суде в 1991 году, рассматривается механизм этнического насилия. “Трудноразрешимость этнических конфликтов, – по мнению В.А. Тишкова, – объясняется мощным присутствием в их природе иррациональных, мифотворческих факторов и эмоциональной коллективной мобилизации, которые трудно поддаются элементарным переговорам и разрешению...” (с. 355). Далее, в связи с анализом осетино-ингушского конфликта, автор выделяет ещё две группы факторов. Во-первых, это эмоционально-ценностные конструкции этнонационализма, среди которых – “принадлежность территории”, “исторические несправедливости”, “собственная государственность”, “нерушимость границ”. Во-вторых, в этническом конфликте почти всегда действуют факторы (которые в социологической литературе рассматриваются в качестве латентных, скрытых причин социального и политического свойства), связанные со справедливым распределением ресурсов, доступом к источникам власти, статусом представителей группы в окружающем политическом и культурном пространстве и т.д. (там же).

Как показывает анализ реальных конфликтов, важна и третья группа факторов, выходящих за пределы собственно этнонациональных притязаний и этнической конфронтации. Речь идет о состоянии политического конфликта в более широком социуме, в данном случае о российской политике. Во всяком случае, нельзя не обратить внимания на следующее высказывание В.А. Тишкова относительно условий применения насилия в осетино-ингушском конфликте: “Я всё больше склоняюсь к мнению, что финальная трагическая стадия конфликта оказалась возможной в условиях, когда высшее руководство России разменяло индульгенцию на этническую чистку в обмен на возможность использовать ситуацию для решения проблемы восстановления власти над Чечней” (с. 394).

Особый интерес представляет анализ чеченского кризиса, предложенный В.А. Тишковым в четырёх самостоятельных текстах: “Чеченский кризис (социокультурный анализ)”, “Амбиции лидеров и надменность силы”, “Семь вариантов (поиск мирного плана для Чечни)”, “Геополитика чеченской войны”. В этих статьях проработано огромное количество источников самого разного плана. Так, читатель найдет здесь подробные сведения по истории депортации чеченцев и ингушей в 1944 году (с. 422). Не имея возможности комментировать всё многообразие приведенных данных и высказанных идей, остановимся на главном. В этом разделе, как и книге в целом, В.А. Тишков проводит взгляд на Российское государство как полиэтническую целостность. Распад и разрушение России – а чеченский кризис рассматривается в качестве стимула к этому – не принесет пользы гражданам государства, в какие бы этнические одежды они не облакались.

Абстрактно-теоретически В.А. Тишков допускает такое решение проблемы, как выход Чечни из состава России, поскольку эту позицию, как известно, разделяют не только чеченские сепаратисты, но и некоторые деятели Госдумы (за изоляцию Чечни выступила “комиссия Говорухина”, равно как и некоторые представители радикальной демократии). В.А. Тишков предлагает заглянуть хотя бы в ближайшее будущее. Что произойдет с Чечней в случае её отделения? Допустим, она станет независимой от России, враждебность к которой была усилена попыткой силового решения проблемы, поддержанной Конституционным судом РФ. Но какие иные проблемы возникнут в самой Чечне? “Хорошо вооруженное государство с крайне огра-

ниченными ресурсами, разоренным хозяйством и долго залечиваемой травмой войны, – считает В.А. Тишков, – не может стать мирным и благополучным образованием в уже нестабильном регионе. Оно будет обязано прежде всего обеспечить свои национальные интересы, а не “дружить”, как это наивно полагали те же российские политики при распаде СССР” (с. 526). А с точки зрения правовой – в случае полной независимости Чечни – конфликт из внутригосударственного превратится в межгосударственный (там же). В этом случае совершенно естественно возникнет вопрос о государственной границе. Автор не без оснований считает, что между Чечней и Ингушетией невозможно провести границу, которая не вызвала бы дополнительных споров и со временем не привела бы к конфликту.

В.А. Тишков обращает внимание на положение тех чеченцев, которые постоянно живут в России и которые, разумеется, не захотят возвращаться на “историческую Родину”. По оценке автора, таковые составляют почти третью часть всех чеченцев. В глазах россиян они превратятся в иностранных граждан-апатридов. Следующая проблема состоит в обеспечении внешних связей чеченского государства, которое не захочет существовать в изоляции. Отсюда возникает прямая угроза нестабильности во всей восточной части Северного Кавказа, поскольку ваххабиты, которые могут прийти к власти в изолированной Чечне, уже объявили о создании единого исламского государства. Исламизация Чечни, восстановление шариатского суда и других атрибутов исламского порядка, несомненно нанесут ущерб интересам граждан, которые уже прожили несколько поколений при европейских правовых нормах. Наконец, возникает вопрос об отношениях вновь возникшего государства с Россией, прежде всего в практических аспектах. Это касается Северо-Кавказского региона в целом. Антироссийский синдром бесспорно усилится, что затруднит экономическую и социально-культурную деятельность представителей кавказских народов в общероссийском пространстве.

В.А. Тишков полагает, что достижение согласия между федеральными властями России и руководством Чечни вполне возможно в том случае, “если главным интересом будут запросы рядовых граждан, а не идеологов и профессиональных воинов, которых любое общество должно уметь держать в рамках, чтобы не превратиться в секту фанатиков или в орду налетчиков” (с. 528). Умение вести переговоры в этих сложных условиях мы называем рефлексивной политикой. Теоретической платформой такой политики является релятивистская теория наций, суть которой в признании того, что ни одно национальное сообщество ныне не может решить своих проблем, нарушая интересы других сообществ. Речь идет не о новой терминологии – примеров тому мы видим достаточно и, в частности, в работах уважаемого автора, – а о новых реалиях, которые начинают просматриваться в нынешней чрезвычайно сложной этнонациональной ситуации.

* * *

Релятивистская теория нации возникает в качестве оппозиции радикальному национализму, беспепеляционно настаивающему на правоте лишь собственной точки зрения, на защите интересов собственной национальной общности в ущерб другим общностям такого же типа. В нашем подходе выражено стремление к соразмерности даже в тех случаях, когда речь идет о восстановлении национальной справедливости. И наиболее важной чертой межнационального взаимодействия, способствующей урегулированию конфликтов, является не столько умение сформулировать притязания к иной общности, а тем более к своим соседям, сколько стремление создать образ собственной нации как нации миротворческой и добрососедской. История же взаимоотношения между нациями строилась на ином подходе. Здесь доминировал принцип силы и господства, сопряженный подчас с идеей прогресса.

В нынешних условиях само определение нации нуждается в коррекции. При трактовке нации как исторически сложившейся общности людей или сконструиро-

ванной в ходе истории культурной или политической общности, прежде всего взгляд обращается в прошлое, внимание акцентируется на происхождении этноса или нации. В современных условиях этого явно недостаточно. Нация должна быть определена как культурно специфическая часть человечества, открытая для взаимодействия с иными составляющими его частями. В этом случае любая нация должна рассматриваться в контексте общечеловеческого существования, и ее интересы должны быть поняты не как причины для конфронтации с иными сообществами, а в качестве модификации общечеловеческих интересов. Нация или национально-этническое сообщество определяется через культурную специфику, через уникальность своей культуры, которая ныне представляет собой ценность глобального порядка.

Релятивистская теория нации ставит под сомнение жесткую связь истории, государства и национальных интересов, опираясь прежде всего на реальное многообразие становления этносов и наций. Одни из них складывались как политические, другие – как культурные сообщества. Одни формировались в относительной изоляции, другие – в постоянном взаимодействии с другими народами. Есть нации (этносы), история которых проходила в рамках ограниченного пространства, и нации, переселявшиеся многократно, распространявшиеся по территории всей земли. Различную роль в формировании наций играли мифологические предания, представления о священной земле предков, религиозный ригоризм или, наоборот, повышенная терпимость к иноверцам и т. д. и т. п. Исторические определения нации, связанные с акцентом на этническом происхождении или историческом существе, были правомерны для XIX и даже начала нашего веков. Но в конце XX столетия ситуация в мире резко изменилась. Сейчас ни одна нация не может существовать как изолированное автономное сообщество. “Мы” – человечество – живем в мире, где нации знают о существовании других национальных сообществ и не только знают, но и живут с учетом этого. Именно коммуникация между этническими группами и национальными сообществами – государственными и негосударственными – составляет ткань реальных национальных отношений.

Центральной категорией релятивистской концепции нации является понятие национального самосознания. Речь идет именно о национальном самосознании, то есть о сознании народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других. Поэтому чувство национального самоопределения никогда не является только восприятием собственного народа или собственного национального бытия. Оно всегда определенным образом соотносится с восприятием других наций. Говоря резче, русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят и говорят: “Мы – русские, значит мы не немцы, не французы, не американцы и т.д.” Из этого следует, что степень исторической нагруженности национального сознания уменьшается, а значение той его составляющей, которая связана с сопоставлением народов друг с другом, – возрастает.

На наш взгляд, рассмотрение нации только в свете исторического прошлого не отвечает современным требованиям. Конечно, каждая нация определенным образом аккумулирует собственный опыт, но главное основание их существования в современном мире заключается в восприятии друг друга как сообществ. Попытаемся более систематически подойти к обоснованию этого тезиса. Прежде всего, национально-этнические общности, населяющие Землю, “знают” о существовании друг друга и вступают друг с другом в сложнейшие отношения. Однако это “знание” пришло не сразу, оно есть лишь достояние XX века, в течение которого и происходил процесс “взаимного узнавания”, продолжающийся до настоящего времени. Констатация этого факта является отправным пунктом релятивистской теории нации, основанной на тезисе о референтной природе каждой нации, равно как и любой иной этнической группы. Дело не только в том, что принадлежность к нации ощущается

через принадлежность к некоему “Мы”, противостоящему неким “Они”. Эта идея высказывалась и до нас. Главный смысл релятивистской теории нации состоит в том, что у каждой национально-этнической группы имеется свой собственный круг национальных или этнических сообществ, с которыми идет постоянное культурное и психологическое сопоставление. Это сопоставление и составляет содержание национального самосознания, которое представляет собой ключевое понятие релятивистской теории наций. В известном смысле можно сказать, что русские обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не было, например, немцев в качестве врагов России и СССР в Первой и Второй мировых войнах. Немцы также обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не опыт этих двух войн и предпринятая гитлеровским режимом попытка решения еврейского (более широко – расового) вопроса путем организации фабрик массового уничтожения людей. Для современной немецкой нации характерно переживание ответственности за преступления нацистского режима, которое сопряжено с комплексом вины по отношению к евреям. Кроме того, в силу тех же причин среди определенной части немцев наблюдается стремление к преодолению национальной идентификации в пользу идентификации общечеловеческой или, по крайней мере, общеевропейской.

Второй момент, связанный с идеей референтности национального самосознания, заключается в том, что в рамках каждого национального самосознания складывается собственная иерархия значимых “других” национально-этнических групп. Это не означает, что доминируют чувства взаимной признательности, скорее, национальные самосознания асимметричны.

Третий важный вывод, следующий из признания референтного характера национального самосознания – признание его динамичности. Конечно, сохраняется базовый образ “иных наций”, фиксированный в стереотипах, но эмоциональная составляющая этого образа оказывается весьма изменчивой. Более того, не только национальное самосознание, но и чувство этнической принадлежности не остается неизменным.

В рамках рассмотрения глобальных проблем релятивистская теория нации позволяет обосновать многополюсность современного мира и представить теоретические аргументы в пользу политики культурного многообразия и защиты локальных культур. Она помогает выработать правила межгосударственных и межэтнических отношений, нарушение которых ведет к ущемлению интересов сторон и обострению конфликтных ситуаций.

На уровне отдельного государства релятивистская теория нации помогает осознать целесообразность культурного и этнического плюрализма как основания гражданской ответственности. Она содействует более основательному разграничению между внешнеполитическими установками – “интересы России и российской нации” – и внутренними проблемами, связанными с реалиями и перспективами развития федеративной государственности. Во всяком случае, она выступает против навязывания культурного или политического доминирования какой-либо одной этнокультурной группы населения.

Не менее важный практический аспект релятивистской теории наций выявляется на уровне анализа личностного поведения, которое не может полностью детерминироваться национальной самоидентификацией. Более того, она открывает возможности для плюрализации национальных характеристик личности, ибо ни один из признаков этнической или национальной принадлежности в контексте этой теории не может рассматриваться как абсолютный, не подлежащий сомнению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1997.

2. Релятивистская теория нации: новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Редкол.: А.Г. Здравомыслов, Н.М. Тихонова, А.А. Цуциев и др. М.: РНИСиНП, 1998.
3. *Smith A.* Gastronomy or geology? The role of nationalism in the reconstruction of nations // Nations and nationalism. Vol. 1. Part 1. March. 1995. P. 3-23.
4. *Филиппов А.Ф.* О понятии “теоретическая социология” // Социологический журнал. 1997. № 1/2.
5. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. С. 248.